

Тахирли Абид

Институт литературы имени Низами Гянджеви
Азербайджанской Национальной Академии Наук

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЭЗИЯ 1920-х ГОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. А. РАСУЛЗАДЕ

М. А. Расулзаде, пратороносець незалежності Азербайджану, зробив винятковий внесок також і у становлення та розвиток національної літератури нового періоду. Його послідовна і самовіддана діяльність у цьому терені стала ширшою, різноманітною і цілеспрямованою після встановлення радянської влади в Азербайджані та спроб більшовицької ідеології застосувати в літературному і культурному житті надуманий, вигаданий радянський літературний метод і концепцію соціалістичного реалізму, що не виправдала себе. Хоча М. А. Расулзаде жив у еміграції, він уважно стежив за літературним процесом у країні, глибоко та всебічно аналізував художні твори, статті, думки та рецензії, оцінював їх з погляду соціальних та літературно-естетичних вимог. Він нещадно і різко критикував тих, хто використовував літературну спадщину як засіб класової боротьби в мистецтві та літературі, тих, хто ліз зі шкіри, щоб позбавити національних ідеалів представників цих духовних сфер, а також усього народу. Він висловлював свої концептуальні погляди на теоретичні проблеми класичної та сучасної художньої спадщини і тим самим зробив значний внесок у сучасну літературну критику та теорію. Викриваючи внутрішні риси та методи роботи ненависних ворогів національної літератури, автор закликав азербайджанську молодь до боротьби, не відхилятися від вірного шляху у ті дні, коли під брудними чоботями ворога впала наша незалежність, а національна культура та тюркський дух зазнали нападок. Водночас статті, написані в цьому контексті, дають підстави зробити певні припущення про літературно-теоретичне уявлення про еміграцію, що суперечить радянському літературознавству. Науково-теоретична спадщина М. Е. Расулзаде представляє велику цінність як методологічна основа сучасних дослідників.

Ключові слова: М. Е. Расулзаде, еміграція, літературознавство, теоретичні проблеми класичної та сучасної художньої спадщини.

Актуальность проблемы. Исследования М. А. Расулзаде о поэзии, опубликованные в журнале «Ени Кафкасия» (Стамбул, 1923–1927 гг.), занимают особое место в творчестве этого известного мыслителя и политического деятеля. Отметим, весь комплект журнала был издан в виде 4 книг по случаю 100-летия Азербайджанской Демократической Республики [1]. Заслуги автора в этом направлении еще ждут своих исследователей.

Примечательно то, что М. А. Расулзаде, говоря о художниках как классического, так и нового времени, с завидным мастерством связывает тему с проблемой свободы и независимости, оценивает силу художественного слова в его служении национальным идеалам и национальным ценностям.

Степень исследованности проблемы. Среди литературных теоретиков, близко рассматривавших проблематику творчества М. Э. Расулзаде, следует отметить Никпура Джаббарлы [5] и Вагифа Султанлы [4]. Жизнь и творчество под-

робно рассмотрены рядом исследователей, в том числе А. Балаевым [16], Ф. Алекперовым [15], Н. Ягублу [6; 10; 14], М. Агаевым [13], Ш. Курбановым [11] и Эльчином [8].

Цель и задачи исследования. В данной статье поставлена задача определения основных идей, высказанных М. Э. Расулзаде о современной ему литературе и искусстве в свете его художественного идеала и социально-политических взглядов. Для этого был проанализирован сборник «Ени Кафкасия» (Стамбул, 1923–1927 гг.).

Оценка творчества классиков и современных писателей и поэтов. М. Э. Расулзаде говорил о выдающихся представителях классической азербайджанской литературы XII века, при этом он умело связывал тему с делами и устремлениями современных ему деятелей национальной поэзии, разоблачая при этом большевистскую критику и метод советского литературоведения, служивших коммунистической идеологии. В статье «Хагани Ширвани» [3, с. 226] М. А. Расулзаде

отмечает, что средневековые поэты не стеснялись увещевать правителей: «Может ли советская критика показать нам хотя бы одного художника, критиковавшего советское руководство? Те 800 советских критиков, которые злятся на вас от прежних «притеснений», почему не говорят о зверствах, совершенных над поэтами? Хотелось бы спросить у героев, рассказавших о трагедии Фелеки Ширвани и заточении Хагани:

– Где поэт свободы Гусейн Джавид, что случилось с народным поэтом Ахмадом Джавадом?..

И не только Джавид, и не только Джавад...

...Когда мы видим носителей угнетения и произвола 800-летней давности, неизбежно приходит на ум азербайджанская народная фраза: Кто зло творит, безобразный!..» [3, с. 227].

В «Новом Кавказе», являющемся бесценным источником в изучении литературно-теоретической мысли нашей эмиграции, не потерявшей своей народности, современности и актуальности, труды об эмигрантской литературе разнообразны по содержанию, форме и объему. Помимо статей, посвященных литературно-теоретической проблеме, есть и статьи по социально-экономическим, общественно-политическим вопросам, которые содержат также некоторые литературоведческие положения, и это не случайно. Статьи такого рода дают обширное представление о сложности и бесперспективности советской литературно-теоретической концепции и методологии, о преследованиях, запугиваниях и арестах, пытках и притеснениях национальных поэтов и писателей. Все это проистекает из культурной политики.

Творческая деятельность Магомеда Эмина Расулзаде в журнале «Ени Кафкасия», выступившего в 1913 г. со статьей «Нужна критика» и писавшего, что «литература правит» [2, с. 255], раскрылась в различных СМИ того времени; он написал значимые литературно-теоретические статьи в многочисленных периодических изданиях, таких, как «Икбал», «Водопад», «Жизнь», «Проницательность», «Открытое слово» и так далее.

Одним из наиболее ценных и значимых образцов эмигрантского литературоведения в «Новом Кавказе», является «Амеле харси» Магомеда Эмина Расулзаде в Азербайджане [1, т. I, с. 170]. В начале статьи автор пишет, что большевики хотели изменить все, в том числе буржуазную культуру, и для этого они «изобрели» «пролетарскую школу», которая освободила бы литературу от буржуазного рабства как по форме, так и по

содержанию и создать литературу, которая превзошла бы существующую литературу.

М. А. Расулзаде намерен говорить о «вкладе» этой литературной школы в русскую литературу, не о грубом применении так называемого метода к футуризму, кубизму, имажинизму, а о влиянии так называемой «пролетарской культуры» на азербайджанскую литературу. Автор подчеркивает, что это национальная и демократическая литература, извлекающая выгоду из независимости и демократических традиций, смешанных с народничеством, и жалеет, что «красное вторжение» отбросило эти традиции и арестовало и убило передовых мыслителей и редакторов. поле оставлено посредственностям (которые неизвестно откуда взялись, как возникли, и которые ничего не стоит – Т. А.)» [1, т. I, с. 70].

М. А. Расулзаде очень серьезен в своих суждениях и является мастером обоснования своих взглядов, ссылаясь на конкретные факты и примеры, он вскрывает безобразные и тривиальные стороны насильственно созданной новой литературы, ее далекую от искусства, лживую и классовую сущность. Поэтому в статье дается комплексное представление о содержании, направлении, понятиях, классификациях, категориях и понятиях литературоведения того периода.

Статья М. А. Расулзаде «Сопrotивление турецкой культуры русскому коммунизму» мала по объему, в то же время далека от предрассудков, уникальный стиль и метод исследования, новизна, глубокое содержание, значительный литературный и политический смысл и значение, серьезный теоретический анализ, похвальные научные выводы являют хороший пример не только эмиграционной литературы, но и азербайджанского литературоведения в целом. Подчеркивая значение литературы и учебников по литературе в народном образовании, газета «Коммунист» критикует слабую роль уроков литературы в советских школах в плане привития коммунистической идеологии, ссылаясь на нехватку учителей, перенявших марксистско-ленинские методы. Газета с сожалением заключает, что уроки литературы находятся «в руках представителей старой идеологии, а учителя словесности во всех районах, особенно в гимназии, незнакомы с новой пролетарской литературой и литературными течениями» [1, т. IV, с. 114]. Коммунистическая газета жалуется, что в школах преподают поэтов-классиков, что они «всегда «ходят» вокруг турецких поэтов и что учителя абсолютно не считаются с «народной и революционной литературой».

М. Э. Расулзаде пишет, что газету «Большевик» возмущало то, что на уроках литературы учителя смотрели не в сторону России, а Турции. Указывая, откуда взялась такая позиция и озабоченность газеты и большевистской партии в целом, автор указывает, что коммунисты придают идеологическую окраску тюркской литературе, интересу и склонности к тюркизму, утверждают, что это вредно для языка Октября и основам революции.

М. А. Расулзаде сообщает, что в газете «Ени фикир», издаваемой в Тбилиси (Грузия), опубликован сборник «революционных мотыльков», то есть поэтов, «служащих культуре трудящихся». Автор анализирует стихотворение «Помнишь ли», приведенное в сборнике и «мало похожее на поэтический образ». Он профессионально оценил этот образец, написанный одним из «бунтующих поэтов и писателей», по имени Муршид, служивших «рабочей культуре», по содержанию, стилю и мастерству, и подверг его резкой критике, заявив, что это произведение должно быть предметом насмешек и иронии: поэт видит «болезнь» своей возлюбленной, данной ей «судьбой», но которую при этом он соблазнил (обманул, предал – Т. А.), поцеловав свою возлюбленную у дверей ее дома, поцеловав в городском саду, «предавшись любви» с ней в лодке, «развлекшись» на лугу, но неизвестно, будет ли его «поступок» таким невинным, если он осматривает себя у опытного врача, прежде чем обвинять кого-то еще?!» [1, т. IV, с. 114].

М. Э. Расулзаде, нейтрально относящийся к произведениям сборника стихов, справедливый и объективный в своем анализе и выводах, с иронией пишет, что здесь есть эпизоды, начинающиеся с «поцелуя» в начале и кончающиеся «могилой» в конце. Это показывает, что стихотворение «Помнишь ли» было как минимум «темой» соразмерной, поскольку автор обращает внимание на то, что сборник является более разорванным и с изъянами как по форме, так и по содержанию, и обосновывает свое мнение, приводя надлежащий пример из простейшего подражания средневековой диванной газели в данном сборнике:

Я в пустыне любви, Кааба в моем стихе-мечтане,

Вдруг стал далек от прочих всех, приют мой разорен.

Находясь на противоположной стороне большевистской веры и созданной по его заказу литературы, автор избегал предвзятой критики и занимал четкую, честную и принципиальную позицию в оценке произведения. Одно из стихотворений сборника аллегорично. Овцы разговари-

вают с художником. М. Э. Расулзаде пишет: «... поэт сказал овце так, и животное ответило ему:

«Наша старая одежда, шерсть – для тебя предмет гордости,

Но в пустыне ты труслив, как воробей» [1, т. I, с. 171].

После цитаты М. А. Расулзаде не анализирует и не комментирует этот простой и бессмысленный набор слов, не «казнит» стихи, имеющие ущербное содержание, слабый и унылый сюжет, а только спрашивает, как воробей держится в пустыне?, приводя лишь известное выражение и тут знаменитый «El-məna fi bətnü ş- şair» (прекраснейший смысл стихотворения находится в душе поэта – Т. А.).

Стихотворение «Плохой ветер» в сборнике также проанализировано М. А. Расулзаде. Он пишет: «...если хочешь знать истинность слова, то будь мыслящим, креативным». Будучи поэтом-большевиком, автор описывает этот ветер как «злой ветер» и говорит:

«Не верьте в этих отсталых и невежественных, они тоже неверные» [1, т. I, с. 171].

Отмечая, что поэт, создававший «новую литературу» под угрозой и подстрекательством деспотического большевистского режима, называя также советский строй «реакционным», а ее создателей – «неверными», М. Э. Расулзаде указывает на бесперспективность такой литературы.

М. Э. Расулзаде, рассматривая стихотворения сборника, делится своими выводами, создавая при этом достаточно полное впечатление о «рабочей культуре» и «новой литературе»: По этим небольшим цитатам читатели сами оценят «силу» «литературы», представленной как «революционная поэзия». Наша задача состояла в том, чтобы «дать пример «гениальности» «героев времени», претендующих на лидерство на Востоке» [1, т. I, с. 171].

Хотя статья «Ахмед Джавад в плену!...» [1, I, с. 178] подписана как «Новый Кавказ», язык и стиль этой статьи, а также очевидная любовь автора к наследию Ахмеда Джавада, глубокое знание творчества поэта, знание сборников Ахмеда Джавада, средств массовой информации, в которых он публиковался, русской литературы и русской эмигрантской прессы и ряда других свидетельств дает полную уверенность в том, что автором статьи был Магомед Эмин Расулзаде. Из предисловия к статье видно, что известие об аресте Ахмеда Джавада, искреннего переводчика самых сокровенных чувств и переживаний азербайджанского народа, потрясло всех в Стам-

буле: «В то время как мы были опечалены этим печальным известием, нас также давило чувство моральной ответственности за то, что в качестве причины для арест приводились мы. Может, это были стихи, опубликованные в «Ени Кафкасия»?..

М. А. Расулзаде подчеркивает, что шесть стихотворений Ахмада Джавада, опубликованные в журнале – «Османским мученикам», «Наш национальный флаг», «Не плачь», «Я посадил цветок», «Откуда ты пришел», «Возьми флаг «стали «призраком» азербайджанского большевизма. Они определили свое время». При этом он подчеркивает, что эти произведения совершенны по идейному, национальному, художественному и стилистическому содержанию. Статья завершается интересным и внушительным обращением не только литературоведа, но и самоотверженного гражданина к поэту независимости: «Бедный Ахмед Джавад! О поэт угнетенной нации! Мы хотели показать и гордиться своим духовным богатством в нашей национальной сокровищнице, цитируя ваши произведения. Ссылаясь на ваши произведения, мы никогда не предполагали, что вы будете привлечены к ответственности в этом отношении. Хотя мы знали, что большевики очень жестоки и безжалостны, мы не могли себе представить, что они поднимутся в дикости до такого уровня. Видимо, мы были неправы, прости нас, поэт, прости нас, мы тебя помним!» [1, т. I, с. 179].

В статье «Борьба за народное чувство» М. А. Расулзаде раскрывает сущность коммунистического строя, идеологию и методы большевистского литературоведения, определяет и критикует цели, а также обосновывает свои теоретические взгляды на искусство и мастерство художественного творчества на конкретных примерах. М. Э. Расулзаде разоблачает силой своего пера жестокие нападки на творчество поэтов независимости, «национальный дух и идеи», «жестокость и нетерпимость русского насилия в отношении моджахедов», «нападки на прессу», «нападки на речи»: «Один из учеников написал стихотворение в стенгазету, висевшую в одной из бакинских школ. Сюжет представляет собой описание красивой девушки: глаза голубые, щеки красные, покрывало зеленое. Увидев цвета на картинке, инспектор с подозрением посмотрел на ребенка:

– *Bu nədir, yazmışsan, deyə sormuş.* Что здесь ты написал? Он спросил.

– *Duyğumu yazdım, deyə cavab vermiş.* Тот ответил: описал я чувства.

– *Nədən ora qvə çəkilmiş haqqında bir şey yazmışsan?* Про серп и молот что ж не написал?

– *Oraq və çəkilmiş mənə ilham vermir! – demiş.* Так не вдохновило же меня все это!

Не дозволялось ученику, не вдохновленному серпом и молотом, учиться за счет страны Советов, а маленького поэта, вдохновленного национальным колоритом, исключили из школы» [1, т. 5, с. 204]. Атака большевиков на национально-нравственные ценности, на литературу, ее создателя и носительницу, то есть народ, на самом деле мотивировалась намерением режима создать пролетарскую литературу и культуру. Известно, что коммунистические идеологи были против сегодняшней азербайджанской литературы, стоящей на триединстве: Джавид-Джавад-Джаббар: (все) против национальной литературы. Мохаммед Джалил, заместитель уполномоченного по вопросам образования и директор педагогического института, сказал студенту, что эта литература нам не нужна, а если не можете создать новую национальную литературу, то закроем институт совсем» [1, т. 5, с. 204].

Обширная и содержательная статья М. Э. Расулзаде «Революционные песни или тюремные поэмы» [3, с. 203–208] дает возможность оценить профессионализм автора, уровень его совершенных литературных теоретико-эстетических взглядов, а также оценить литературную панораму современности, ознакомиться с особенностями вновь образованных течений и направлений. С другой стороны, это представляет большой интерес с точки зрения наблюдения за растущей с каждым днем борьбой азербайджанской молодежи за свободу со все большей решимостью и самопожертвованием, с любовью к независимости и под гнетом мрачной деятельности ЧК. При чтении этой статьи создается впечатление, что М. Э. Расулзаде находится не в зарубежье, а в мрачной темнице ЧК в одном ряду со своими соратниками, в центре всех литературных событий.

Автор проявляет гневное, но беспристрастное отношение к процессам, происходящим в советской литературно-культурной, общественно-политической жизни, резюмируя свое исследование на уровне серьезных и завершенных научно-теоретических результатов. М. Э. Расулзаде основывает свою статью на письмах, посланных из страны в «Новый Кавказ» и опубликованных там стихотворных отрывках. Автор письма пишет, что «хотя в стихах много искажений с точки зрения правил словесности (литературных правил – Т. А.), я думаю, что это не стихи, а искренний крик души против тоталитаризма, в чем и заключается их истинная ценность» [3, с. 203]. Критик соглаша-

ется с автором письма, но также пишет, что наряду с жалобой есть и высказывания, пылающие огнем мести. Эти стихи – праведный глас поэтов, «задавленных цепями рабства», «оплакивающих свое состояние, понимающих свою боль и желающих доказать, что они вправе плакать». Отмечая, что в условиях советского режима плакать и писать запрещено, М. Э. Расулзаде убежден, что «в случае обнаружения авторов названных стихов наказанием является если не смерть, то заключение или ссылка». Чем жестче критика, тем мужественнее, искреннее, рассудительнее М. Э. Расулзаде, тем настойчивее он в своих мыслях, тем увереннее он в себе как мастер убеждения. На вопрос одного из чекистских заключенных другому: «Зачем ты написал?» человек, который жалуется на угнетение и унижение, которое его окружает, отвечает на вопрос стихотворением под названием «Не пиши»:

...Çınladır afaki bir bayquş səsi. Голос совы раздражает его.

Acı bir fəryadla bağırır: "Yazma" горьким криком: не пиши! [3, с. 205].

То, что говорит отвечающий, звучит еще острее, с большей надеждой, с большей уверенностью, с большей решимостью. Он признается, что иногда его пугает крик совы, и подлые убийцы душист его своими жестокими руками, кусают, сбивают с ног, раздавливают и проливают кровь:

Bəlkə hər şey yapar; fəqət o şeytan (Возможно все, однако этот дьявол)

Bir cənnət var; orada bir şey yaramaz! (Не может сделать ничего в раю!)

O cənnət ideal, bəkçisi iman; (Рай тот идеален, там сидит пророк)

İman olan yerdə şeytan yaşamaz! (3, s. 206). (И если там пророк, нет места там чертям!)

М. Э. Расулзаде не скрывает своей любви и симпатии к поэтам, которые прославляют его родные идеалы, «предпочитают потерять тело, но не совесть», «чей стиль и выражение являются продуктами нового метода обучения и школы», и присоединяется к ним и вроде бы с ними заодно говорит:

Dinlərkən bayquşun mənhus nəfəsini: (Прислушиваясь к отвратительному дыханию совы:)

Bütün varlığımla söylüyürəm yaz! (Всем своим существом говорю, пиши!) [3, с. 206]

Он говорил, что его бесконечная любовь к борцам за свободу, которые десятками и сотнями подвергаются пыткам и насилию в тюрьмах, и в целом к национальной литературе вообще вытекала из общественно-политических, идейно-исторических процессов, он всем сердцем верил

в предназначение и силу искусства стать горнилом свободы народа...» [3, с. 208].

В монографии «Современная азербайджанская литература», посвященной изучению, критике и пропаганде литературных произведений, созданных в нашей стране в 20–30-е годы, М. Э. Расулзаде упоминает значимых представителей национальной поэзии – это Ахмед Джавад, Гюльтекин, Алмас Йылдырым, Али Юсиф, Санан, Яйджилы Керим и др. Он глубоко и объективно анализировал и оценивал их произведения, выдвинул научно-теоретические положения в соответствии с их идеями, содержанием, языком, стилем, художественными достоинствами. Анализ отличается новым подходом и оценкой, а именно: научно-теоретическим и идейно-эстетическим осмыслением художественной мощи авторов, их идейного мира, национального образа мышления, философской глубины и гносеологического содержания поэтов-певцов независимости. Этим подходом автор отличался от советской критики, чем принес значительный вклад в азербайджанскую, в том числе эмигрантскую литературную теорию и критику. Эти качества и определяют актуальность, долговечность, оригинальность и силу литературного наследия М. А. Расулзаде.

Ряд исследователей, особенно компетентных и авторитетных исследователей азербайджанской эмигрантской литературы, подробно изучали вышеприведенную книгу, и потому мы сочли возможным на ее анализе подробно не останавливаться [4; 5].

Выводы. Подводя итог сказанному по теме, приходим к выводу, что Магомед Эмин Расулзаде, работая с 1920-х годов над соотношением творческих проблем национальной литературно-теоретической, художественно-эстетической мысли с общественно-политическими событиями, оставил ценное наследие, отличающееся своеобразным языком, стилем анализа и критики, мастерством научной классификации. Литературно-теоретические встречи великого мыслителя, обладающего уникальным талантом, удивительным стилем мышления и уникальным интеллектом, являются богатым источником для становления и развития азербайджанского литературоведения в период независимости. Его историческая концепция азербайджанской литературы привлекает внимание своим солидным, высоким научным уровнем и имеет научно-методологическое значение в определении основных направлений нашего современного отечественного литературоведения.

Список литературы:

1. «Новый Кавказ». 4 книги. Подготовили: Явуз Акпынар, Сельджук Туркилмаз, Йылмаз Озка. Издательство TEAS Press, Стамбул: 2018 г.
2. Расулзаде М. А. Том II 1909–1914 гг. Профессор Ширмамед Гусейнов, собравший, переведший с арабского алфавита на латиницу, и автор предисловия. Баку : Ширваннешр, 2001.
3. Институт литературы имени Низами Гянджеви Национальной Академии Наук Азербайджана. Азербайджанская библиотека эмигрантской литературы (серия книг). Я кожу. Мохаммад Амин Расулзаде. Избранное из литературного и научного наследия эмигрантского периода. Баку : Вяз, 2016. 356 с.
4. Султанлы Вагиф. Любовь к независимости. Баку : Наука и образование, 2014. 252 с.
5. Джаббарли Никпур. Азербайджанская эмигрантская поэзия (рецензии и портреты). Баку : Наука и образование, 2014.
6. Ягублу Насиман. Мохаммад Амин Расулзаде. Баку : 1991 г.
7. Вагиф Султанлы. Литературный мир Мохаммада Амина Расулзаде. Баку : издание БГУ, 1993.
8. Эльчин. Мохаммад Амин Расулзаде. Баку : 1994 г.
9. Султанлы Вагиф. Он пассажир на трудной дороге. Баку : Азернешр, 1996.
10. Ягублу Насиман. Борьба за национальную независимость Азербайджана и Мохаммед Амин Расулзаде. Баку : 2001 г.
11. Гурбанов Шамиль. Мохаммад Амин Расулзаде. Баку : 2001 г.
12. Ализаде Ахунд Хаджи Солтан Мухаммад Амин Расулзаде и ислам. Баку : 2003 г.
13. Агаев Независимый. Мохаммад Амин Расулзаде. Баку : 2006 г.
14. Ягублу Насиман. Роль Мохаммеда Амина Расулзаде в азербайджано-польских отношениях. Баку : 2007 г.
15. Алекперов Фаиг. Мировоззрение Мохаммада Амина Расулзаде. Баку : 2007 г.
16. Балаев Айдын. Мохаммад Амин Расулзаде. Баку : 2011 г.

Tahirli Abid AZERBAIJANIAN POETRY OF THE 1920s IN M.A. RASULZADE

M. A. Rasulzade, the standard-bearer of the independence of Azerbaijan, also made an exceptional contribution to the formation and development of the national literature of the new period. His consistent and selfless activity in this field became more extensive, diverse and purposeful after the establishment of Soviet power in Azerbaijan and the attempts of the Bolshevik ideology to apply in literary and cultural life the far-fetched, fictional Soviet literary method and the concept of socialist realism that did not justify itself. Although M. A. Rasulzade lived in exile, he closely followed the literary process in the country, deeply and comprehensively analyzed works of art, articles, opinions and reviews, evaluated them from the point of view of social, literary and aesthetic requirements. He ruthlessly and sharply criticized those who used the literary heritage as a means of class struggle in art and literature, those who went out of their way to deprive representatives of these spiritual spheres, as well as the entire people, of national ideals. He expressed his conceptual views on the theoretical problems of the classical and modern artistic heritage and thus made a significant contribution to modern literary criticism and theory. Exposing the internal traits and methods of work of the hated enemies of national literature, the author called on the Azerbaijani youth to fight, not to deviate from the right path in those days when our independence fell under the dirty boots of the enemy, and the national culture and Turkic spirit were attacked. At the same time, the articles written in this context give grounds to make certain assumptions about the literary-theoretical conception of emigration, which contradicts Soviet literary criticism. Scientific and theoretical heritage of M. E. Rasulzade is of great value as a methodological base for modern researchers.

Key words: *M. E. Rasulzade, emigration, literary criticism, theoretical problems of classical and modern artistic heritage.*